

Кожина А. Когнитивная лингвистика и этимология // Anstatt, Tanja / Norman, Boris (eds.) (2010): Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik / Славянские языки в когнитивном аспекте. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. – S. 179-196.

Автор: Кожина, Алла Андреевна

Тема: Когнитивная лингвистика

Дата публикации: 2010

Издатель: Harrassowitz Verlag (Германия)

Аннотация: Статья посвящена анализу возможности использования этимологических исследований в границах лингвокогнитивного подхода к языку. Эта проблема рассмотрена как на уровне языковой системы, так и на текстовом уровне. Делается вывод о том, что широкое привлечение этимологии может обогатить когнитивную парадигму языковых исследований новыми наблюдениями.

Когнитивная лингвистика и этимология

1. Общие положения
2. Реконструкция когнитивных процессов в формировании языковой системы
3. Реконструкция когнитивных процессов в формировании структуры текста
4. Источники и сокращения
5. Литература

Abstract

Der vorliegende Abschnitt untersucht, wie die kognitive Linguistik, die sich als eine selbstständige Richtung der linguistischen Forschung erst gegen Ende des letzten Jahrhunderts

entwickelte, die Erkenntnisse der traditionellen etymologischen Forschung nutzen kann. Die Grundlage der modernen kognitiven Herangehensweise an die Sprache bildet die Rekonstruktion kognitiver Strukturen auf der Basis sprachlicher Daten. Die Etymologie, deren Gegenstand die Herausarbeitung der inneren Wortform und der semantischen und formalen Wortvariation im Zusammenhang mit der menschlichen Erfassung und Aneignung der Welt ist, bietet sich insofern als Beitrag zur kognitiven Herangehensweise an die Sprache an: Sie kann zum Verstehen der Prozesse und Mechanismen der kognitiven Tätigkeit beitragen, wie sie sich in frühen Etappen der Sprachgeschichte und der weiteren historischen Entwicklung der Sprache niederschlagen.

1. Общие положения

Когнитивная лингвистика, определившаяся в конце прошлого века как самостоятельное направление лингвистических исследований, связанное с установлением и объяснением „тех постоянных связей и корреляций, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания“ (Кубрякова 2004, 9), и бурно развивавшаяся на рубеже столетий, в последнее время переживает этап уточнения своих целей и задач, выделяя в общем исследовательском корпусе отдельные пути, по которым, возможно, в дальнейшем двинется изучение языковых явлений. Вначале лингвокогнитивный подход предполагал

„исследование языка как средства организации, обработки информации в сознании человека, а также способов передачи и восприятия ее в актах коммуникации. Впоследствии эта установка уточнилась: основным объектом когнитивной лингвистики стали считать скрытые, глубинные механизмы познавательной деятельности человека и принадлежащие глубинным уровням его психики содержательные категории, составляющие предпосылку всей его культурной деятельности“ (Берестнев 2008, 41).

В исследованиях последнего времени отмечается, что в основе современного когнитивного подхода к языку, позволяющего обнаружить и определить глубинные механизмы познавательной деятельности человека, лежит идея реконструкции когнитивных структур по данным языковой формы.

„Реконструкция опирается на постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она отражает стоящую за ней когнитивную структуру“ (Кибрик 2008, 53).

Начало представления о когнитивной деятельности языкового сознания в процессе номинации действительности и отражении этого процесса в структуре слова было положено в трудах В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни о внутренней форме.

А. А. Потебня определил внутреннюю форму как особенность, рождающуюся вместе с пониманием и выделяющую один из признаков в составе мысли, принимаемой за содержание слова. Именно внутренняя форма или ближайшее этимологиче-

ское значение обуславливает внешнюю звуковую форму и именно на внутренней форме базируется дальнейшее значение, т. е. субъективное содержание, представляющее множество признаков (Потебня 1976, 114–115).

В области определения внутренней формы А. А. Потебня значительно отошел от гумбольдтианских идей. В. фон Гумбольдт считал внутреннюю форму противопоставленной звуковой форме языка. Именно борьба этих двух форм обуславливает процесс созидания языка, „в ходе которого внутренняя идея должна преодолевать некоторую трудность, для того чтобы утвердиться“ (Гумбольдт 1984, 97). То есть внутренняя форма является исключительно произведением духа, который упорядочивает и подчиняет избыточные фонетические формы, изобретенные народом на первичном этапе освоения действительности:

„Инструмент изготовлен, и дело духа теперь – освоить и применить его. Это и происходит. И вот в соответствии с индивидуальной неповторимостью того способа, каким дух выражает себя через язык, последний получает окраску и характер“ (там же, 162).

В то же время, согласно А. А. Потебне, именно внутренняя форма первоначально и объективно связывает слово с действительностью, выбирая в представлении человека об этой действительности один из признаков:

„Так, мысль о туче представлялась народу под формой одного из своих признаков, именно того, что она вбирает в себя воду или изливает ее из себя, откуда слово *туча* (корень *ту*, пить и лить)“ (Потебня 1976, 115).

Именно поэтому слово может заменить случайные и изменчивые словосочетания, составляющие образ предмета действительности, постоянным представлением, и на этой основе слово служит главным средством образования понятия. То есть внутренняя форма оказывается единственным, по крайней мере, манифестированным, представителем связи понятия с реальностью. Далее язык, упорядочивая и сгущая мысль в понятия, создает „тот стройный мир, за пределы коего мы, раз вступивши в них, не выходим“ (Потебня 1976, 168).

К идеям, предложенным столетие назад, исследователи вернулись в рамках представленного выше лингвокогнитивного подхода – в этимологии возникает новое направление, предполагающее, прежде всего,

„рассмотрение проблемы связи между познанием языка и познанием культуры в направлении от первого (реконструкция языка) ко второму (реконструкция культуры): выявление мотивированности, внутренней формы того или иного слова ведет к постулированию тех или иных черт древнего миропонимания, тех или иных этнокультурных моментов“ (Журавлев 2000, 45).

Таким образом, этимология, предполагающая поиски внутренней формы слова и дальнейшего семантического и формального варьирования слова в процессе познания и освоения человеком мира, становится одной из составляющих когнитивного подхода к языку, обеспечивая понимание процессов и механизмов когнитивной деятельности языкового сознания на ранних стадиях возникновения языка и в дальней-

шем его историческом развитии. Рассмотрим несколько направлений, в которых могут идти этимологические исследования при представлении когнитивных процессов.

2. Реконструкция когнитивных процессов в формировании языковой системы

2.1 Глубинные механизмы формирования когнитивной общности

Изначальная принадлежность лексем к единой когнитивной области, определяемая общностью их внутренней формы, и в дальнейшем программирует их развитие и словообразование. Отмечалось, например, что

„краткий обзор значений глаголов *играть* и *гулять* и их дериватов выявляет значительную близость их семантической структуры в нескольких ключевых звеньях [...] Поскольку эти схождения касаются не только тех языков и диалектов, в рамках которых данные лексемы имеют (или имели) возможность взаимодействовать непосредственно, следует предполагать чисто семантические основания наблюдаемого параллелизма, т. е. определенную связь самих концептов, образующих их семантическую структуру (объединяющим и стержневым элементом которых оказывается движение как источник жизненных и производительных сил)“ (Толстая 2000, 170).

Вообще же,

„обращение к изучению диалектных концептов как одного из видов знания, репрезентированного в языке, позволяет глубже понять природу языковой вариативности, а также когнитивные механизмы, лежащие в ее основе“ (Болдырев, Куликов 2006, 50).

Один из подобных концептов в славянских языках и диалектах образуют глаголы с конверсивным значением ‚давать‘ – ‚брать‘. Единство представления данного процесса в человеческом сознании проявляется, прежде всего, в развитии внутренней конверсии в корнях, являющихся коррелятами в соответствующих парах. Такая возможность была заложена уже и.-е. **em-*, соотносившемся с корнем **nem-*, который входил в терминологию обмена и мог в связи с этим обозначать конверсивный процесс ‚давать‘ – ‚брать‘ (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 754). Элементы конверсии можно обнаружить и в истории и.-е. **dō-* ‚давать‘ – в хеттском отмечается основа *da-* ‚брать‘ (ЭССЯ 4, 194). Лексема **bьrati* восходит к и.-е. корню **bher-*, имевшему значение ‚нести‘ (ЭССЯ 1, 163), т. е. обозначающему процесс с элементами конверсивности: ср. рус. *нести* в русском языке – ‚взяв в руки, перемешать‘ и ‚обладая чем-л., передавать кому-л.‘.

Распавшаяся впоследствии внутренняя конверсивность проявилась в развитии корней в различных славянских языках и диалектах. Так, их дериваты могут обозначать не только принимающих лиц, но и лиц дающих, не только ловящего, т. е. беру-

щего, но и ловящегося – рус. диал. *емец* ‚взяточник’ (СРНГ 8, 356), *имак* ‚съемщик, арендатор’ (там же, 187) и др.-рус. *кмыць* ‚sponsor’, болг. *емец*, словен. *jetec* ‚поручитель’ (ЭССЯ 8, 229), ср. также рус. диал. *ёма* ‚ростовщик’ (СРНГ 8, 355) как сочетающий эти качества; *ятец*, *ятчик* ‚кто берет кого для поставления в суд’ (Даль 4 1882, 682), с одной стороны, и пол. *jeniec* (первонач. *jetiec*) ‚военнопленный’, в.-луж. *jaty* ‚арестованный’ (Zeman 1967, 140), рус. диал. *имки* ‚люди, совершившие побег’ (СРНГ 12, 194), ср. также н.-луж. *běricar* ‚палач, сыщик, тюремщик, городской’ (Мика 1926, 30) и стар. польск. *braniec* ‚пленник, невольник’ (SP 2, 415), стар. укр. *бранецъ* с тем же значением, укр. *бранець* ‚военнопленный’ (ЭССЯ 1, 162), с другой стороны; *давалец* ‚кредитор, заимодавец’ или *дарии* ‚даритель’ (СРНГ 4, 255, 273), и, с другой стороны, – *дарма* ‚человек, находящийся на содержании общества’ (т. е. тот, кому подают), и *дарник* ‚крестьянин, отказавшийся от полного надела земли и получивший в дар четвертую часть его’ (там же, 274, 275) (подробнее см. Кожина 2002).

То, что подобная внутренняя конверсия отражает глубинные процессы, происходящие в человеческом сознании, находит подтверждение в продолжении указанных концептуальных отношений в словообразовательных гнездах других глаголов, казалось бы, не связанных непосредственно с рассмотренными лексемами. Соответственно, подобное развитие концептуальных отношений нельзя объяснить простым процессом заимствования, но сходством процессов, направленных на познание и освоение действительности, которые происходят в человеческом сознании.

Рассмотрим словообразовательное гнездо, задаваемое глаголом *ловить*. Этот глагол возводится к и.-е. корню **lau-* со значением ‚захватывать, ловить’ (Pokorny 1959, 655, ЭССЯ 16, 112). Э. Бенвенист, исследовав семантику производных слов от этого корня, пришел к выводу, что первоначальное значение основы в её именной модификации – ‚оказанное благодеяние’ или ‚полученная награда’ (Бенвенист 1995, 122), т. е., по сути дела, ‚дар’. Соответственно, производные этого корня могут участвовать в обозначении обеих сторон единого процесса: рус. диал. *ловец*, *ловея* (СРНГ 17, 100), польск. стар. *łowicz* ‚ловец, охотник’ – чеш. *lovnu*, польск. *łowny* ‚о том, что легко, хорошо ловится’ (ЭССЯ 16, 117), *ловичек* ‚годовалый жеребенок’, *ловушка* ‚мышь’ (СРНГ 17, 101; 102).

От корней *имати* ‚братъ’ и *ловити* одинаково успешно образуются названия детских игр типа ‚догонялки“, т. е. связанных с активным участием двух сторон – той, которая ловит, и той, которую ловят: рус. диал. *имачок*, *имашки*, *имелки*, *имельцы* (СРНГ 12, 188; 192) и *ловилки*, *ловички*, *ловитки* (СРНГ 17, 101). Однако между этими глаголами имеется и существенное различие, также обусловленное на уровне праформы и связанное с выделением в славянских языках глагола **jъmĕti* со значением ‚быть в состоянии обладания’. Дело в том, что большинство дериватов от корня **em-* обозначает объекты, поимка которых связана с их дальнейшим сохранением и содержанием, ср. *jeniec* ‚военнопленный’, т. е. человек, которого не убивают, но содержат в неволе. Большинство же лексем, связанных с **loviti* (ст.-сл. *ловьць* ‚охотник’, польск. *łow* ‚охота’, чеш. *lovectvo* ‚охота’, бел. *лоўчы* ‚приученный к ловле, охоте’, ТСБЛМ, 322), обозначают процесс поисков и преследования зверя или птицы с целью добычи или истребления, т. е. не предполагающий последующего обладания и хранения.

Если расширить границы когнитивного процесса от первичного отражения действительности в сознании человека до дальнейшего осознания и мысленных операций с этой действительностью, можно убедиться в том, что человеческое сознание, оторвавшись от древнего представления о синкретичности конверсивных процессов, безусловно относит глаголы **jьmati*, **bьrati*, **loviti* к одной когнитивной области, добавляя сюда также позднейшие, возникшие уже на славянской почве экспрессивные образования **xvatati*, **xapati*, **lapati* (ЭССЯ 8, 123; 14, 28). В дериватах корней, из которых выводятся данные лексемы, обнаруживаются сходные семы, либо эти дериваты полностью совпадают семантически. Подобное совпадение значений слов, имеющих различные стартовые позиции, объясняется, конечно, не взаимовлиянием, но лишь конгруэнтностью человеческих сознаний, оперирующих данными словами, и единством когнитивных процессов, происходящих в этих сознаниях.

Так, например, все производные лексемы, связанные с указанными, реализуют логически связанную со значением ‚братъ‘ сему ‚присвоение чужого имущества‘ – стар. польск. *itować* ‚грабить, воровать‘ (SP 8, 518), бел. диал. *ёмец* ‚хапуга, разбойник, жадина‘ (ТС 2, 54); н.-луж. *braś* ‚обирать, воровать‘, *brańe* ‚воровство‘ (Мука 1926, 70); стар. бел. *брату* ‚грабить, захватывать, отбирать, красть‘ (ГСБМ 2, 198), рус. диал. *ловить* ‚воровать‘, *ловушка* ‚о вороватом человеке‘ (СРНГ 17, 1981, 102), ст.-пол. *lara* ‚разбойник, грабитель‘ (SSP 4, 97), пол. *lapnąć* ‚украсть‘ (Karłowicz 3 1902, 66); пол. стар. *chwycić* ‚грабить, красть‘ (SP 3, 377) бел. стар. *хвтаный* ‚воровской‘, *хопайла* ‚воришка‘ (Насовіч 1983 677, 682). Также из значения ‚братъ‘ выводят свою семантику различные названия инструментов, предназначенные для захвата продукта – рус. диал. *ёмки* ‚ухват, щипцы для снятия нагара‘ (СРНГ 8, 356), бел. диал. *ёмка* ‚ухват‘ (СБГПЗБ, 130), *емка* ‚сковорода‘ (ДСБ, 62); польск. стар. *bierka* ‚валик, на который накручивается сеть‘ (Karłowicz 1 1900, 83); рус. диал. *ловыга* ‚шумовка, которой вынимают пельмени из бульона‘ (ЭССЯ 16, 114), *ловец* ‚вертел‘ (СРНГ 17, 100); рус. *ухват*. Это же значение претерпело сужение, будучи приложенным к одному определенному виду человеческой деятельности и обозначая частный случай взятия и отъёма, – рус. диал. *ём* ‚взятка пчелы‘ (СРНГ 8, 353), бел. диал. *браць* ‚выбирать нектар из цветов, выбирать мед из улья‘ (СБГПЗБ 1, 216), бел. диал. *лапаць* ‚ограбить пчелиный рой‘ (СБГПЗБ 2, 620). Ср. также серию значений глагола **jьmati* ‚ловить рыбу‘, представленную, в частности, в древяно-полабском *jajmät rajboj* и подобных выражениях в восточнославянских диалектах (Супрун 1998).

Большое количество параллелей между дериватами словообразовательного гнезда корня **em-* и образованиями от других лексем, содержащих сему ‚братъ‘, возникает в понятийной области, которую можно определить как ‚высокая степень проявления признака‘. По-видимому, основой для ее создания явилась идея накопления признака, качества. Так, лексема *ловкий* в русских диалектах может приобретать значения ‚ласковый, приятный, вежливый‘ и ‚красивый‘ (СРНГ 17, 101). Первое из этих значений реализует кашуб. *jetno* (Ramult 1983, 63), второе – бел. диал. *ёмачка* (СБГПЗБ 2, 130). Возможно, в основе сходства здесь лежит представление о человеке, который все делает надлежащим образом. Видимо, это же представление легло в основу рус. диал. *ловкая изба* ‚дом зажиточной семьи‘ (СРНГ 17, 101), и, хотя в этом устойчивом словосочетании можно обнаружить сему ‚богатый‘, пути возникновения этого значения отличаются от таковых для лексем, связанных с глаголом **jьmati* (ст.-сл.

имѣннѣ, рус. *имущество* и т. д.). В последнем случае понятие о зажиточности связано с идеей приобретения и накопительства, в первом – с понятием о соответствующем поведении: ловкости, расторопности и т. п. Также разные мотивации лежат в основе появления одинакового значения ‚сильный, крепкий’ у рус. диал. *ѣмкий* (СРНГ 8, 356) и пол. диал. *bierny* в выражении *koń bierny* (Karłowicz 1 1900, 83), поскольку во втором случае развитие подобной семантики связано не с абстрактной идеей накопления признака, а с совершенно конкретным представлением о коне, который может взять много поклажи.

Понятие о чем-либо, проявляющем свои качества в высокой степени, воплотилось в различных именованьях, связанных с обозначением погодных явлений – бел. диал. *ѣмка* ‚морозно’ (СБГПЗБ 2, 125), рус. диал. *ѣмотно* ‚пронизывающе (о чувстве холода)’, *имун* (*мороз имун, надевайся теплей*) (СРНГ 8, 359; 12, 195), бел. диал. *браць* ‚усиливаться (о морозе, тепле)’ (*мароз бярэ пад вечар; цяпло бярэ*) (ТС 2); ‚лечь (о дожде)’ (*дошч бярэ, а дзеўка ў адной юпацца пашла*) (СБГПЗБ 1, 216), чеш. диал. *šňih láre* ‚идет густой снег’, болг. *лапавица* ‚снег с дождем, метель, вьюга’ (ЭССЯ 14, 28). Возможно, в последних примерах реализуется не идея о высокой степени проявления признака, а, скорее, восприятие снега как липнущего, прилипающего и охватывающего.

Лексема *ѣмкий* по сравнению с остальными дериватами более всего богата различными семантическими оттенками, лежащими в границах идеи о накоплении и высокой степени проявления признака. На этой основе у неё, в частности, создается значение ‚быстрый’. Подобное значение, принадлежащее периферийной семантике производных от **jēti/jmāti*, является одним из центральных для семантических гнезд, в основе которых лежат глаголы **xvatati* и **xopati* – ст.-чеш., чеш. *chvatati* ‚спешить, торопиться’ (ЭССЯ 8, 123), н.-луж. *chwataś* ‚спешить, ускорять, торопить’, *chwatanie* ‚спешка’ (Мука 1926, 507), ст.-бел. *хватацца, хопацца* ‚спешить, торопиться’ (Насовіч 1983, 677, 682), бел. диал. *хвацкі* ‚быстрый, живой’, *хватам* ‚спешно’ (ТС 5, 233). Значение это также встречается у отдельных представителей других корней – рус. диал. *ловко* (СРНГ 17, 101), польск. диал. *łapie* (*ona wskoczyła do swego powoza, on za nią co łapie*) (Karłowicz 3 1902, 66), ср. также бел. *брацца* ‚неожиданно являться’ (*адкуль ты браўся*) (СБГПЗБ 1, 217).

Сема ‚спешка, торопливость’ легла в основу значения, связанного с принятием пищи, у глаголов бел. диал. *хватауць* ‚съесть наспех’ (СБГПЗБ 5, 297); болг. *лапам* ‚пожирать, лопать’, макед. *лапа* ‚лопачь, уминать, жрать’, н.-луж. *lapotka* ‚дитя, кушающее второпях’ (Мука 1926, 774), ср. рус. диал. *лапырь* (ЭССЯ 14, 30). В то же время производные глагола *имати* связывают еду с другой идеей – идеей принятия вовнутрь: рус. диал. *имины, емены* ‚зерно, оставленное для еды’ (СРНГ 12, 194; 8, 356), бел. диал. *емье* ‚еда’ (Расторгуев 1973, 97), *еминка* ‚отборный картофель для употребления в пищу’ (Каспяровіч 1927, 145), *яцонка* ‚большой кусок’ (ТС 5, 367).

Представление о быстром, мгновенном действии легло в основу значения ‚загораться’ у укр. диал. *йїмитися* (Онишкевич 1984, 328), *ловитися* (ЭССЯ 16, 107), бел. диал. *хватауць* (СБГПЗБ 5, 297), рус. *заняться* (об огне, пожаре).

Видимо, болезнь также воспринималась как нечто, охватывающее человека, или как неожиданный удар, что отразилось в образовании глаголов, обозначающих ее наступление – бел. диал. *ймець, няло* (*чего цебе ймець, няло за живот*) (Насовіч 1983,

224), *хвацьць* (*яго як хвацьця жыватом*) (СБГПЗБ 5, 297); болг. диал. *бера* ‚нарывать, гноиться’ (ЭССЯ 1, 162); ср. пол. диал. *lapić* (*bolenie go lapi*) (ЭССЯ 14, 30).

Если верно предположение, что изначальная принадлежность лексем к единой когнитивной области и в дальнейшем программирует их развитие и словообразование, то, основываясь на нем, можно было бы попробовать восстановить пропущенные звенья мотивационных процессов. Так, например, А. Брюкнер (Brückner 1957) связывал формы **bъrvь*, *bъrvьno*, откуда, в частности, рус. *бревно*, пол. *bierwiono*, ст.-пол. *bierzmo*, *bierno* с **bъrati*, *berq* (с чем не соглашаются другие исследователи, предлагающие свои разнообразные версии). Тем не менее, на эту мотивацию можно было бы взглянуть более внимательно, рассмотрев **bъrno dervo* рядом с рус. диал. *еменный лес* ‚лес, предназначенный для вырубki’, *ловчее дерево* ‚дерево, пораженное вредителями, предназначенное на сруб’ (СРНГ 8, 355; 17, 103).

2.2 Поверхностные механизмы формирования когнитивной общности

Создание общей концептуальной области, притягивающей все новые и новые лексемы и иницирующей появление у них сходных значений, может происходить не только на глубинном уровне внутренней формы, но и на основании поверхностных формальных связей, которые далее получают глубокое понятийное обоснование.

Таковую связь в славянских языках и диалектах образуют лексемы с инициальным *šm-/sm-*. Этот элемент, в частности, присутствует в корнях *šmon-* с первичным значением ‚действовать левой рукой’ → ‚совершать незаконные действия’ → ‚грабить, обирать’ → ‚тереть, сглаживать, очищать’ и *šmul-* ‚двигать вперед-назад’ → ‚тереть, сглаживать’ → ‚обдирать’ (об этимологии этих корней см. Кожина, Щербач 2005), например, у глаголов рус. диал. *отшмонуть* ‚оттереть, отскоблить’ (СРНГ 25, 10); *ошманать* ‚сильно избить’ (СВГ 1993, 114); пол. диал. *szmaniać* ‚исследовать содержание чужого кармана, искать ч.-л. в чужом кармане’ (Steffen 1984, 154); *обшманить* ‚сгладить шероховатости при витье веревки’ (СРНГ 22, 272) и др. и рус. диал. *шмулевать* ‚делать что из всех сил, усердно’, *отшмуловать* ‚вымыть на скорую руку’ (Добровольский 1914, 1006) болг. диал. *шмуля* ‚быстро собирать плоды вместе с листьями’ (Геров 5 1978, 585; РСБКЕ 14 1959, 655), кашуб. *šmula* ‚безрогая корова’ (Sychta 1972, 275) Однако, как представляется, развитие указанных значений определяется не только первичным импульсом, задаваемым исходным корнем, но и чисто формальными связями, которые устанавливаются на основе начального сочетания согласных в этих корнях. Действительно, в различных славянских языках и диалектах можно обнаружить большое количество лексем с названным инициальным звукосочетанием, которые развивают свое значение в нескольких семантических направлениях:

- (1) ‚пачкать’ – пол. диал. *šmodruχ* ‚грязнула’, *šmodruχać* (*še*) ‚пачкать (ся)’ (Szymczak 1970, 994), кашуб. *šmudrac* ‚пятнать, пачкать’, *šmudrańc* ‚грязнула’ (Sychta 1972, 275), чеш. диал. *šmurajda* ‚грязнула’, *šmúrat* ‚пачкать’ (Bartoš 1905, 429);

- (2) ,тереть, гладить, чесать' – кашуб. *smårt* 'зуд', *smårtować* ,чесать', *smuknąć* ,погладить' (Sychta 1972, 94, 103); н.-луж. *smykły* ,скользкий, гладкий' (Мука 1928, 472)
- (3) ,бросать' – кашуб. *smuknąć* ,бросить, повалить', *šmitac* ,бросить' (Sychta 1972, 103, 275); пол. диал. ,бросать, толкать' (Szymczak 1970, 994);
- (4) ,бить' – н.-луж. *šmara* ,рубец, шрам, оспина' *šmacaś* ,трещать, хлопать, шелкать бичем или розгой' (Мука 1928, 652–53), кашуб. *smarać* ,бить' (Sychta 1972, 92); бел. диал. *шмарнуты* ,ударить' (ДСБ 262).
- (5) ,резать' – чеш. диал. *šmignút* ,резануть, хлестануть' (Bartoš 1905, 429); чеш. диал. *šmigat* ,стричь волосы' (Malina 1946, 122); бел. диал. *шмáльнутэ* ,резануть, полоснуть' (ДСБ 262)
- (6) ,обдирать листья, ветки, кору' – бел. диал. *шморгáты* ,обдирать листья с веток' (ДСБ 262);
- (7) ,быстро двигаться' – пол. диал. *šmigać* ,размахивать кнутом', ,быстро идти' (Szymczak 1970, 994), н.-луж. *smukaś* ,двигать, двинуть, тянуть, пихать' (Мука 1928, 471); болг. *шмугам* ,быстро запихивать, прятать что-либо где-либо', *шмугам се* ,входить, влазить, пропихиваться' (РСБКЕ 1959, 654); бел. диал. *шмагло* ,метко, быстро, хорошо' (ДСБ 262); *шмыкнуць, шмукнуць* ,выскочить неожиданно, внезапно, очень быстро' (Янкоўскі 1970, 148);
- (8) ,двигаться взад-вперед, тянуться' – *шморгацца* ,ходить без дела' (ДСБ 262); *шморгнѣты* ,потянуться, рвануться, потянуть носом, стукнуть' (ДСБ 262); хорв. *šmrkati* ,потягивать носом, употреблять табак, качать насосом' (Boryś 2006, 562);
- (9) ,употреблять алкогольные напитки' – пол. диал. *šmirować* ,пить водку', *šmirus* ,пьяница' (Szymczak 1970, 995); кашуб. *smarnąć* ,сильно ударить', ,о водке, табаке: употребить', *smårna* ,пьяница' (Sychta 1972, 92, 94)

Особенно интересны в этом отношении данные русских диалектных словарей, представляющие широкий диапазон развития значений. Вот только некоторые параллели по различным говорам: *отшмыгать* ,отшлифовать' – ,обтрепать, истрепать, испачкать'; (СРНГ 25, 11); *ошмыга* ,отпавший кусок коры дерева' – ,о бывалом, опытном, выдавшем виды человеке'; *ошмыгивать* ,очищая, делать гладким' – 'приводить в изношенное состояние долгим употреблением, ноской, трением' – ,вышелушивать зерна' (СРНГ 25, 94); *обшморганный* ,потертый, заношенный' – ,лишенный листьев' (СРНГ 27, 1); ср. также у М. Фасмера (3 1987, 691): *шморгать* – ,звучно втягивать и извергать мокроту носом, очищать прут от листьев, веревку от костры'; *шмарить* ,хлестать, бить', *шмариться* ,делаться шероховатым'.

Таким образом, в различных славянских языках и диалектах семантика лексем с инициальным *šm-/sm-* образует своего рода концептуальную общность, в основе которой лежит идея движения, в некоторых случаях резкого, в других, наоборот, мед-

ленного, но повторяющегося и настойчивого, приводящего в одних случаях к расщеплению и нанесению ран, в других – к сглаживанию.

По-видимому, на такое развитие обречены практически все лексемы с указанным инициальным элементом. Безусловно, кашуб. *šmërgel* 'наждачная бумага' (Sychta 1972, 273) является заимствованием из нем. *Schmirgel*, однако развитие значений лексем, которые можно определить как однокоренные с ней, вполне укладывается в приведенной выше формально-семантической области: *šmergac*, *šmãrgac*, *šmirgac* 'бросать', *wëšmërgac* 'убить', *šmergnac* 'бросить', *šmergnac sq* 'лечь, броситься вниз'. Сюда же добавляются лексемы, обозначающие дождь и ветер: *šmergawica* 'вихрь, ураган', *šmerga* 'внезапный ветер на море', 'кратковременный внезапный дождь' (Sychta 1972, 273–274). То же можно сказать о кашуб. *smarowac*, в основе которого, безусловно, лежит заимствование из ср.-в.-нем. *smër* 'свиной жир' (Borys 2006, 562), но развивающего также значения 'тереть', 'бить', 'о дожде: идти' (Sychta 1972, 92).

Любопытно, что у лексем с подобной семантикой второй согласный может варьироваться. Так, польск. *śmigac* 'выполнять быстрое движение чем-л. в руке, резать, ударять с размахом', 'двигаться быстро, перелетать' рассматривается (Borys 2006, 618) как фонетический вариант праслав. **svigati* 'махать, размахивать чем-л.' с континуантами в рус. диал. *svigать* 'бродить, убежать, потягивать носом', родственное лит. *sviegti* 'бросить, ударить', *svaĩgti* 'одурманиваться, упиваться'.

И далее такое же развитие семантики обнаруживаем у других корней в кашубском языке, уже не имеющих соответствующего инициального звукосочетания, например: *šåla* 'пластинка, пласт' – 'первая или последняя доска при разделке' – 'вообще кусок дерева, который бросают вверх для того, чтобы сбить фрукты'; *šalqtaç* 'крутиться без перерыва, быть чем-л. занятым'; *šalvra* 'большой, плоский обломок камня'; *šål* 'ветер', 'бешенство'; *šålinga* 'сильный ветер', 'метель'; *šåla* 'кратковременный дождь', *šalaputu* 'скоро, быстро' (Sychta 1972, 214). А вот еще один корень: *šarapëtë* 'ржаная каша из дробленых зерен', *šargac* 'рвать на себе одежду'; *šarpaç* 'рвать, дергать', 'отрывать по кусочку, отщипывать', *šarpavica* 'сильный, порывистый ветер', *šarpë* 'кража с полей и огородов'; *šarpańc* 'конь, которого не научили правильно тянуть', 'большой блин из тертого картофеля', 'машина для резки растений' (Sychta 1972, 218, 223). Как представляется, подобное развитие корневой семантики свидетельствует о том, что фонетическая общность находит опору в общей схеме семантического развития, по-видимому, являющейся стандартной, обусловленной, как уже говорилось выше, общностью процессов в человеческом сознании, а потому могущей повторяться в различных словообразовательных гнездах в различных языках.

Все приведенные примеры показывают возможность при помощи анализа внутренней формы и внешней фонетической оболочки слов обнаруживать концептуальные зоны, образуемые словами, которые при формировании лексической системы языка связываются на основании семантической и формальной общности, отражая глубинные когнитивные процессы, происходящие в человеческом сознании.

3. Реконструкция когнитивных процессов в формировании структуры текста

Анализ древних текстов предполагает не только их формальную реконструкцию и толкование, но и восстановление идей и отношений, которые привели к порождению данного текста, однако могут представляться недоступными и непонятными для современного исследовательского сознания. Как неоднократно отмечалось,

„сохраняется шанс реконструировать идеи, принадлежащие сакральной сфере, и едва ли не единственными источниками в этом плане выступают языки“ (Берестнев 2007, 5).

Одним из возможных подходов применения языковых данных для анализа сакральных идей, участвовавших в порождении текста, является анализ внутренней формы слова. О роли внутренней формы в порождении художественного произведения писал А. А. Потебня, считая последнее синтезом трех моментов: внешней формы, внутренней формы и содержания (Потебня 1976, 190). По его мнению, народ в своем творчестве руководствовался не поиском новых восприятий, а стремлением возродить забытую этимологию. Так, постоянный эпитет *берег крутой* возможен благодаря наличию у слова *берег* внутренней формы ‚гора‘ (Потебня 1976, 199). Разумеется, не всегда работа внутренней формы получает экспликацию, но, тем не менее, при соответствующем анализе ее можно обнаружить.

Так, в Евангелии от Марка (Мк. 15 17–19) во фрагменте, где говорится о распятии Христа, в версии Мариинского евангелия (Мар.) читаем:

(10) ꙗ възложиша на нь съплетъше тръновъ вѣнецъ ꙗ начахъ цѣловати и. радѹисѧ цсрю иудейскъ. ꙗ биѣхъ и тръстьхъ по главѣ. и плъваахъ на нь

Лексема *цѣловати* представляется не совсем уместной в подобном контексте. Действительно, она отсутствует в параллельных чтениях (Мф. 27 27–31 и Ин. 19 2–3); нет ее и в Синодальном переводе:

(11) ...и, сплетши терновый венец, возложили на него, и начали приветствовать его: радуйся Царь Иудейский! И били его по голове тростью, и плевали на Него...

Однако внутренняя форма лексемы оправдывает ее появление в этом фрагменте. Как известно, праслав. **cel-* относится к тому же и.-е. словообразовательному гнезду, что и германские приветствия – гот. *hails* (Pokorny 1959, 520), др.-сакс. *hel w□□s*, др.-англ. *h□□l wes p□□*, др.-исл. *ves heill* (OED 1970) и др. Действительно, в рассматриваемом стихе Мк. 15, 18 в тексте готской Библии приветствие *χαίρε, βασιλεῦ τῶν Ἰουδαίων* переводится как *hails, □iudan Judaie* (Ганина 1996, 115). И если „так называемые хайретизмы, т. е. обращения к воспеваемому предмету, начинающиеся приветствием „хайре“ („радуйся“)“ (Аверинцев 1977, 234), представлены, например, в „Акафисте Богородицы“:

- (12) Χαίρε, δι' ἧς ἡ χαρὰ ἐκλάμπει
 Радуйся, чрез тебя радость сияет!
 Χαίρε, δι' ἧς ἡ ἄρα ἐκλείπει
 Радуйся, чрез тебя горесть истает!

в славянском варианте перевода начинаются с *раду́йся*, то в английской версии *χαίρε* переведено как *Heil*:

- (13) Heil! by whom true hap had dawned! Heil! by whom mishap has waned! (см. Filonov Gove 1988).

Подтверждение существования концептуальной связи радости и целостности обнаруживаем в лтш. *vākslīs* 'здоровый, целый, невредимый' (Невская 1993, 58). Косвенным подтверждением подобной связи может быть и противоположный пример связи радости с болезнью, что наблюдается, например, в осет. *foestinon*, 'в котором болезнь названа „радостью“' (Абаев 1956, 458).

Связь на уровне на уровне внутренней формы наблюдалась и в греческом оригинале (см. NT): здесь глаголу **цѣловати** соответствует форма *ἀσπά* – дериват прилагательного *ἀσπάσιος* 'любезный, желанный, радостный' (Вейсман 1899).

Анализ текста на уровне внутренней формы позволяет также обосновать связь лексем во фрагменте Ин. 13. 8 из Синодального перевода, где говорится об омовении Иисусом ног учеников, который в версии Синодального перевода звучит недостаточно понятно:

- (14) если не умою тебя, не имеешь части со мною.

Эта версия непосредственно восходит к первым славянским переводам, ср. Мар. Ин. 13, 8:

- (15) **аште не оумыж тебе. не имаши части съ мною,**

которые, в свою очередь, практически дословно воспроизводят греческий текст (см. NT):

- (16) ἐὰν μὴ νίψω σε, οὐκ ἔχεις μέρος μετ' ἐμοῦ.

О какой части идет речь в этом фрагменте? Безусловно, здесь имеется в виду судьба, доля, общий удел Бога и его учеников. И греч. *μέρος* 'часть, доля, разделение' (Вейсман 1899, 796), и ст.-сл. **часть** 'часть, доля' (СС 789) имеют одинаковые значения и на их основании связываются с представлением о Боге: отмечалось, что праслав. **bog-* может выступать в объектном значении – 'доли', 'части' (Журавлев 1998, 77). Кроме того,

„значение ‚доля, часть‘, бесспорно, связано со значением ‚богатство, достояние, счастье‘. Ср. характерный параллелизм структуры слов: *sb-bož-ъje* (: **bogъ*) и *sb-čest-ъje* (: **čestъ* 'часть'). Таким образом, и в славянском, и в иранском наблюдаем как бы полное воплощение тождественной семантической модели ‚богатство, доля, благо‘ > ('податель благ') > ‚бог“ (Трубачев 1967, 27).

В пользу того, что представление о Боге и понятие счастливой участи взаимосвязаны в человеческом сознании, говорит также развитие значения раннего праиндоиранского заимствования в финно-перм. **pakas (e)* ‚бог‘ (ср. др.-инд. *bhágah*) > ‚счастье‘ (Редей 1997, 153). В свою очередь, на этимологическую связь форм **čęstь* и **sъčęstьje* обращал внимание еще И. А. Бодуэн де Куртене. Он рассматривал лексему *szczęście* в значении ‚хорошая часть, хороший надел, хорошая доля‘, понимая приставку **sъ-* как выражающую значение ‚хороший‘ (Baudouin de Courtenay 1974, 249–250).

В рассмотренных примерах этимологические отношения, создающие семантические связи на глубинном уровне, в переводном тексте в той или иной мере повторяют семантические связи оригинального текста. Однако такая взаимообусловленность наблюдается не всегда – и тогда в основе переводного текста появляются свои взаимосвязи и взаимообусловленности.

Так, стих Евангелия от Матфея 10.16 (см. NT 1983):

(17) γίνεσθε οὖν φρόντιοι ὡς οἱ ὄφεις καὶ ἀκέραιοι ὡς αἱ περιστεραὶ

в различных польских переводах XVI–XVII веков был представлен следующим образом:

(18) Bud. – bądźcie przeto rozumni iako węzowie / a nie szkodliwi iako gołębice;
Wuj. – bądźcież mądrymi iako węzowie a prostymi iako gołębice;
Radz. – bądźcież tedy ostrożnemi iako węzowie a szczyrymi iako gołębice;
Gd. – bądźcież tedy roztropnymi iako węzowie a szczyrymi iako gołębice.

В этом случае лексическим разночтениям в переводах трудно найти объяснение в тексте оригинала. Формы *rozumni*, *mądrymi*, *roztropnymi*, *ostrożnemi* в данном случае корреспондируют с греч. φρόντιοι (от φρόντιος ‚разумный, умный, благоразумный‘ (Вейсман 1899), причем в Вулгате, в которую также заглядывали польские переводчики, ей соответствует *prudens* ‚сознательный, сведущий, умный‘ (Дворецкий 2000).

Итак, различия в переводах не восходят к оригинальному тексту: греческому или латинскому. Как представляется, они обусловлены причинами более абстрактного характера – различными путями, по которым протекает когнитивная деятельность в человеческом сознании. Представляется, что при переводе данного отрывка мысль переводчиков Гданьской библии, вырвавшись за пределы обозначения собственно мыслительных качеств (*rozumni*, *mądrymi*), сближает понятие „умный“, прежде всего, с понятием „быстрый“ – так в тексте появляется форма *roztropnymi*.

Связь между разумом и быстротой очевидная – ее обнаружил и описал еще А. А. Потебня, подтверждая примерами из различных славянских языков: „Сила разума и в плохом, и в хорошем смысле сближается с быстротой“ (Потебня 1976, 323). Интересно, что подобное развитие значений наблюдается и в этимологии праслав. **mqdr-*: оно восходит к и.-е. **mendh-* ‚иметь смысл‘ из первоначального ‚направлять, быть живым, резким‘, ср. др.-исл. *munda* ‚целиться, стремиться‘ (Pokorny 1959, 730).

Связь с мудростью у лексики *ostrożny* более опосредована, но, как представляется, и более интересная. Во-первых, это прилагательное восходит к праслав. корню, который связывается с и.-е. **sterg-* со значением ‚заботиться‘ (Pokorny 1959, 1023). Аналогичное значение развивается и у греч. φρονίσιω, однокоренного φρόντιος, кото-

рое и было переведено при помощи названной славянской лексемы. Во-вторых, осторожность очень часто сравнивается со способностью к наблюдению, внимательностью (ср. синонимичные фразеологизмы *mieć na ostrożności* и *mieć na baczości*), т. е. со способностью к зрительному восприятию (словарь С. Б. Линде приводит следующее значение лексемы *ostrożnie* – ‚nie na óslep, oglądając się’ (Linde 3 1860, 610), ср. рус. *осторожный* ‚крайне осмотрительный в своих действиях, поступках’ (СРЯ 2 1986, 656). Но то же самое значение лежит в основе другого соответствия греч. φρόνιμος – лексемы *rozumny*, которая связывается с и.-е. *a□□□-, *a□□□ ēi- ‚воспринимать органами чувств, видеть, замечать’ (Pokorny 1959, 78). Такой путь развития смысла не единичен. Можно привести, по крайней мере, еще один пример подобного совмещения значений: ‚видеть’ – ‚знать, разбираться в чем-л.’ – ‚заботиться’. Он наблюдается в дериватах праслав. диал. *šatriti – польск. диал. *szatrzyc* ‚знать, понимать’, ст.-польск. *sztrzyć się* ‚видеть’ и чеш. *šetřiti* ‚беречь, заботиться’.

Во второй части рассматриваемого стиха стоит греч. ἀκεραίους, имеющее значение ‚целый, ненарушенный, несоставной, невинный’. Как видно, в большинстве польских текстов ей соответствует лексема *szczyry*. С одной стороны, этимология этой лексемы, которая выводится от и.-е. *sk□□□□/skē□□□ ‚резать, отделять’ (Pokorny 1959, 730), как кажется, противоречит семантике, представленной выше (ср. ‚ненарушенный, несоставной’). Однако первичное значение греч. ἀκεραίους, на основании которого возникает переносное ‚ненарушенный, несоставной’ – это ‚несмешанный, чистый’, а праслав. *čist- восходит к тому же и.-е. корню *sk□□□□/skē□□□

Во многих случаях заново построенные переводчиком отношения образуют свой глубинный смысловой каркас, поддерживающий текст, обеспечивающий его существование, и, самое главное, органическую связь с исходным текстом, так что ни у кого из потребителей переведенного текста не возникает подозрения в том, что ему навязывается совершенно новая когнитивная структура, отличная от оригинальной. Особенно это важно в случае, когда лексема не только участвует в строительстве отдельных текстовых фрагментов, но и создает центральный концепт данного текста.

Практически каждому знаком этот фрагмент текста Екклесиаста – *суета сует, все суета*. В нем в оригинальном древнееврейском тексте три раза повторяется слово לֵבָבָה проходящее через весь текст книги. Этот важнейший термин Екклесиаста Вульгата (Vulg.) переводит при помощи лексемы *vanitas*, LXX – ματαότης. В первых западнославянских переводах этот термин передается словами *marność* (Ven., Melan., Kral., Leor., Wuj) и *próżność* (Radz., Bud.), в восточнославянских же изданиях встречаем слово *сѹета* (Vil., Ostrog., Skar.).

Ни один из текстов не передает точно значение древнееврейского לֵבָבָה, которое исследователи понимают как ‚дуновение ветра’ (Gesenius 1915, 210). Основное значение латинского *vanitas* – ‚призрачность, бессодержательность, беспочвенность’ (Дворецкий 2000, 805). О том, что греческое ματαότης, переводимое как ‚суета’, от μάτη ‚напрасный или безумный труд, блуждание’ (Вейсман 1899), не передает дословно значение древнееврейского слова, писал еще св. Иероним:

„В древнееврейском языке *суета сует* выражается *abal abalim*, что, за исключением Септуагинты, все подобным образом перевели: *atmos atmidon* либо

atmon, что можем определить как исчезающий пар и легкое дуновение“ (Hieronim św. 1995, 26).

То же можно сказать и о рассматриваемых славянских переводах. Старочешское *marnost* определяется как ‘ничтожество, ничтожность’ (Gebauer 2 1970, 816), также, как и старопольское *marność* – ‘то, что непостоянно, ничего не стоит, исчезает, обманывает..., глупость, ничего не стоящая вещь; также сам процесс, связанный с исчезновением...’ (SP 8, 163). Такое же значение имеет слово *próżność* ‘непостоянство, ничтожество, иллюзорная ценность..., то, что является безрезультатным’ (SSP 7, 76). Также **сѣта** также имеет значение пустого, ничего не значащего – ‘тщета, ничтожность’ (Срезневский 3 1912, 610).

Безусловно, рассматриваемое понятие и способ его представления в тексте древней книги создали много проблем для переводчиков, прежде всего, своей идеальностью и абстрактностью, а также возможностью различного понимания. Н. Хомский вообще полагал, что ‘возможность выработать хорошую процедуру перевода с любого языка на любой язык зависит от достаточного количества материальных универсалий’ (Chomski 1982, 51). Тем не менее, переводчики справились со своей задачей – об этом говорит хотя бы тот факт, что появившийся в их переводах ‘термин’ успешно функционирует в современных славянских языках именно в том значении, в котором он был представлен в рассматриваемых переводах. И это, как представляется, произошло потому, что в структуре и, прежде всего, в схеме развития этих слов лежит та же семантическая связь, которая задаются древнееврейским существительным, а именно связь идей движения и пустоты.

Подобную связь представляет существительное **сѣта**. В современном русском языке семантическое развитие этого слова привело к возникновению значения ‘торопливое, беспорядочное движение; хлопоты’, но в текстах церковно-славянских названная лексема переводит формы – дериват греч. μάτη ‘напрасный или безумный труд, блуждание, заблуждение’. Существует, однако, иной способ перевода названной лексемы, а именно при помощи существительного **поустошь** в другом переводе Екклесиаста – **пѣстошь пѣстошемъ все пѣстошь** (Срезневский 2 1902, 1731). Это свидетельствует о взаимозаменяемости лексем **сѣта** и **поустошь**. Рассматривая развитие значения псл. **suǰь* как ‘цепь, мечущийся, суевливый’ → ‘блуждающий, заблуждающийся, не достигающий цели’ → ‘тщетный, ложный’ (Варбот 1985, 38), ясно видим связь между хаотичным, бесполезным, а потому и не имеющим права на существование движением и пустотой, полным отсутствием чего бы то ни было.

Такой схеме в точности соответствует семантическое развитие слова *próżność*, принадлежащего к обширной славянской словообразовательной семье, члены которой (ст.-сл. **празьднъ**, рус. *порожний*, блр. *парожні*, czech. *prázdný*, слов. *prazen*) содержат в своем значении семантический компонент ‘пустой’, практически стершийся у польского *próżny*. Далее, обратившись к этимологии указанной лексемы, можно обнаружить весьма интересное объяснение ее происхождения, предложенное М. Грошелем (Grošelj 1954, 121): псл. **porzdь*, от которого начинается названная семья слов, происходит от корня **pors-*, родственного хетт. *parš* ‘бежать’ и герм. *ferzjan* ‘отдаляться’, значит, ‘быть в состоянии движения’.

Способность реализовать идею пустоты заметна у существительного *marność* уже в приведенных выше дефинициях. Однако псл. **marъnъ (jъ)* не имеет общепринятой этимологии. Чаще всего его связывают с псл. **mara*, образованным при помощи суффикса *-rā* от и.-е. **mā-* ‚махать рукой, кивать’ (ЭССЯ 17 1990, 206, 221), возможна также связь с корнем **marъ*, в семантической структуре которого очевидны искомые компоненты: ‚сухой туман, знойное колебание воздуха’. Как указывают авторы „Этимологического словаря“, семантический компонент, лежащий в основе **mara* и **marъ*, одинаков – ‚колебаться’ (‚кивать, махать’ и ‚быстро двигать (ся), дрожать, мигать’ > ‚мелькать, меняться’ (там же, 206, 217). Все это значит, что мы вновь приходим к связи идей воздуха, пустоты и движения (более подробно об этом см. Кожина 2003).

Исследование текстов на родственных языках, которые возникли на одной основе и связываются с одним и тем же текстом-источником, очень интересно, прежде всего, потому, что позволяет выйти за пределы лексического значения в транссемантические области человеческого сознания. При анализе слов, занимающих в тексте одинаковые позиции, создается нечто наподобие когнитивной области, которая объединяет функционально схожие языковые единицы. Такая когнитивная область выгодно отличается от других возможных группировок лексем в пространстве текста, поскольку она создается не на основании словарных дефиниций, которые несут на себе отпечаток сознания автора словаря, но на связях и отношениях, которые могут, как представляется, отражать коллективный разум носителей языка того времени, когда создавался исследуемый текст.

4. Источники и сокращения

- ГСБМ Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1- (Изд. продолжается). Мінск, 1982-.
- ДСБ Дыялектны слоўнік Брэстчыны. Мінск, 1989.
- Мар. Ягич И. В. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Грас, 1960.
- РСБК Речник на съвременния български книжовен език. Св. 14. София, 1959.
- Е
- СБГП Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі. Т.1–5. Мінск., 1980–1986.
- ЗБ
- СРНГ Словарь русских народных говоров. Вып. 1- (Изд. продолжается). Ленинград, 1965-
- СРЯ Словарь русского языка. Т. 2. Москва, 1986.
- СС Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Москва, 1994.
- ТС Тураўскі слоўнік. Т. 1–5. Мн., 1981–1987.
- ТСБЛ Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мн., 1996.
- М
- ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков*, Вып.1- (Изд. продолжает-

- ся). Москва, 1974-
- Bud. Nowy testament z nowu przełożony, a na wielu miejscach za pewnymi dowodami od przysad przez S. Budnego oczyszczony i krótkimi przypiskami po kraiach objaśniony. Łosk, 1574.
- Gd. Biblia Święta, to iest księgi Starego y Nowego Przymierza z żydowskiego na polski przetłmaczone. Gdańsk, 1632.
- Kral. Biblij Swatá. Kralice, 1596.
- Leop. Leopolita. Faksimile der Ausgabe Krakau 1561. Paderbrn etc., 1988.
- LXX Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes. Stuttgart, 1979.
- Melan. Bibli Czeska [Ed. 2]. Praha, 1557.
- NT The Greek New Testament. Stuttgart, 1983.
- OED The Oxford English Dictionary. Oxford, 1970.
- Ostrog. Библия. Острог, 1581.
- Radz. Biblia Święta, to iest księgi Starego y Nowego Zakonu własnie z żydowskiego, greckiego i łacińskiego na polski język z pilnością i wiernie wyłożone. Brześć Literwski, 1563.
- Skor. Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 г. г. Т. 3. Мінск, 1991.
- SP Słownik polszczyzny XVI wieku. T. I–VIII. – Wrocław, Warszawa, Kraków: 1968–974.
- SSP Słownik staropolski. T.1–11. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963–1996.
- Ven. Biblij Czeska w Benatkach tissena. Venezia, 1506.
- Vil. The Five Biblical Scrolls in a Sixteenth-Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262) with Introduction and Notes by Moshe Altbauer. Concordance compiled by Moshe Taube. Jerusalem, 1992.
- Vulg. Biblia sacra, iuxta vulgatam versionem. Stuttgart, 1994.
- Wuj. Biblia w przekładzie J.Wujka z 1599 r. Transkrypcja typu B. Warszawa 2000.

5. Литература

- Абаев, В. И. (1956), Этимологические заметки, in: *Труды Института языкознания АН СССР* 6. Москва, 442–458.
- Аверинцев, С. С. (1977), *Поэтика ранневизантийской литературы*. Москва.
- Бенвенист, Э. (1995), *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Москва.
- Берестнев, Г. И. (2008), К философии слова (лингвокультурологический аспект), in: *Вопросы языкознания* 1. Москва, 37–65.
- Берестнев, Г. И. (2007), Языковая реконструкция идеологии сакрального; *спорина*, in: *Филологические науки* 5. Москва, 14–23.
- Болдырев Н. Н./Куликов В. Г. (2006), Диалектные концепты и категории, in: *Филологические науки* 3. Москва, 41–50.
- Варбот, Ж. Ж. (1985), К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен, in: Трубочев, О. Н. (ред.), *Этимология 1982*. Москва, 24–33.
- Вейсман, А. Д. (1899), *Греческо-русский словарь*. Санкт-Петербург.

- Гамкрелидзе, Т. В. /Иванов, Вяч. Вс. (1984), *Индоевропейский язык и индоевропейцы: В 2 т.* Тбилиси.
- Ганина, Н. А. (1996) К определению семантики о/г **wihaz: haila az*, in: *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология* 6. Москва.
- Гумбольдт, В. фон. (1984), *Избранные труды по языкознанию.* Москва.
- Даль, В. (1882), *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.* Москва/Санкт-Петербург.
- Дворецкий, И. Х. (2000), *Латинско-русский словарь.* Москва.
- Журавлев, А. Ф. (1998), К реконструкции древнеславянского мировидения (о категориях „доли“ и „меры“ в их языковом и культурном выражении), in: *Проблемы славянского языкознания: Три доклада к XII Международному съезду славистов.* Москва, 71–87.
- Журавлев, А. Ф. (2000), Наивная этимология и „кабинетная мифология“, in: Варбот, Ж. Ж. (ред.), *Этимология. 1997–1999.* Москва, 45–59.
- Каспяровіч, М. І. (1927), *Віцебскі краёвы слоўнік.* Віцебск.
- Кибрик, А. Е. (2008), Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры, in: *Вопросы языкознания* 4. Москва, 51–78.
- Кожина, А. А. (2002), *Давать, брать, иметь* – к вопросу о конверсивных отношениях, in: *Русская диалектная этимология. Материалы IV Международной научной конференции.* Екатеринбург, 11–14.
- Кожина, А. А. (2003), О некоторых проблемах, связанных со славянскими переводами Екклесиаста, in: *Slavia orientalis* 2. Kraków, 209–227.
- Кожина, А. А. /Щербач, И. М. (2005), Некоторые проблемы изучения заимствований из западно-европейских языков в русских диалектах, in: *Russian Linguistics*, 347–364.
- Кубрякова, Е. С. (2004), *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира.* Москва.
- Насовіч, І. І. (1983), *Слоўнік беларускай мовы.* Мінск.
- Невская, Т. В. (1993), „Корнеслов русского языка“ Ф. С. Шимкевича в свете этимологической историографии, in: *Славяноведение* 1. Москва, 35–44.
- Онишкевіч, М. Ё. (1984), *Словник бойківських говірок.* Київ.
- Потебня, А. А. (1976), Мысль и язык, in: Потебня А. А. *Эстетика и поэтика.* – Москва, 9–221.
- Расторгуев, П. А. (1973), *Словарь народных говоров Западной Брянщины.* Минск.
- Реден, К. (1997), Древнейшие индоевропейские заимствования в уральских языках, in: Судник Т. М., Хелимский Е. А. (ред.) *Балто-славянские исследования 1988–1996.* Москва, 141–155.
- Срезневский, И. И. (1893–1912), *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам:* В 3 т. Санкт-Петербург.
- Супрун, А. Е. (1988), К изучению древянополабской фразеологии (*jajmät rajbaj < *jьmati rybu*) in: *Slavica Tartuensia* 4. Tartu.
- Толстая, С. М. (2000), *Играть и гулять: семантический параллелизм.* in: Варбот, Ж. Ж. (ред.), *Этимология. 1997–1999.* Москва, 45–59.
- Трубачев, О. Н. (1967), Из славяно-иранских лексических отношений, in: Трубачев, О. Н. (ред.), *Этимология 1965.* Москва, 3–81.
- Фасмер, М. (1986–1987), *Этимологический словарь русского языка: В 4 т.* Москва.
- Янкоўскі, Ф. (1970), *Дыялектны слоўнік, ч. 3.* Мінск.
- Bartoš, F. (1905), *Dialektický slovník moravský.* Praha.
- Baudoin de Courtenay, J. (1974), *Dziela wybrane, t.1.* Warszawa.
- Boryś, W. (2006), *Słownik etymologiczny języka polskiego.* Kraków.
- Brückner, A. (1957), *Słownik etymologiczny języka polskiego.* Kraków.
- Chomski, N. (1982), *Zagadnienia teorii składni.* Wrocław-Warszawa.

- Filonov Gove, A (1988), *The Slavic Akafistos hymn. Poetic Elements of the Byzantine text and its Old Church Slavonic translation*. München, 1988.
- Gebauer, J. (1970), *Slovník staročeský*. Del. 1–2. Praha.
- Gesenius, W. (1915), *Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament*. Leipzig.
- Grošelj, M. (1954), *Etyma Slavica*, in: *Slavistična Revija* 5–7. Ljubljana, 121–122.
- Hieronim, św. (1995), *Komentarz do księgi Eklezjastesa*. Kraków.
- Karłowicz, J. (1900–1903), *Słownik gwar polskich*: W 5 t. Kraków.
- Linde, S. B. (1860), *Słownik języka polskiego*, t. 3. Lwów.
- Malina, I. (1946), *Slovník nařeči mistřického*. Praha.
- Muka, E. (1926), *Slovník dolnosěrbskeje řeči a jeje narěcow*, t. 2. Praha.
- Pokorny, J. (1959), *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 1. Bern.
- Ramult, S. (1893), *Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego*. Kraków.
- Sychta, B. (1972), *Słownik gwar kaszubskich*, t. 5. Wrocław et al.
- Szymczak, M. (1970), *Słownik gwary Domaniewka w powiecie Łęczyckim*, cz. 7. Wrocław.
- Zeman, H. (1967), *Slovník górnolůzyczko-polski*. Warszawa.